

В О П Р Е К И

**Реальные истории,
которые потрясли мир**

Когда правда обретает голос —
приходит и надежда
на исцеление.

ЧИТАЙТЕ В СЕРИИ:

«Дом моей матери»

Шокирующая история
идеальной семьи Руби Франке

«Он просил говорить шепотом»

Громкое дело о тихом насилии
в семье Пелико

«Плохой парень навсегда»

Разоблачение
Шона Diddy Комбса

**ДЖИПСИ-РОУЗ
БЛАНЧАРД**

ПРИТВОРСТВО

**НЕРАССКАЗАННАЯ
ПРАВДА**

Москва

УДК 821.111-94(73)
ББК 84(7Сое)-44
Б68

My Time to Stand © 2024 by Gypsy-Rose Blanchard,
Melissa Moore, and Michele Matrisciani.

Бланчард, Джипси-Роуз.

Б68 Притворство. Нерассказанная правда Джипси-Роуз Бланчард / Джипси-Роуз Бланчард ; [перевод с английского И. Голыбиной]. — Москва : Эксмо, 2026. — 224 с. — (Голоса вопреки. Реальные истории, которые потрясли мир).

ISBN 978-5-04-218355-3

Двадцать три года Джипси провела в инвалидной коляске под бдительным присмотром своей матери ДиДи — самоотверженной женщины, воспитывающей «тяжело больного» ребенка. Однако за фасадом розовых стен дома скрывалась болезненная потребность во внимании и контроле.

Мать годами внушала дочери несуществующие диагнозы, погружая ее в изолированный мир зависимости, лишая здоровья тела. Когда Джипси начинает подозревать неладное и стремится к самостоятельности, ситуация лишь усугубляется. Для нее все ясно: единственный выход — побег, за который придется заплатить страшную цену.

Спустя почти десять лет после убийства матери Джипси выходит из тюрьмы и решает рассказать свою версию истории. Вопреки СМИ и сериалам, которые обвиняли ее в содеянном.

Эта история больше чем просто мемуары. Она скорее похожа на психологический триллер, где границы между жертвой и преступником размываются, а материнская забота доходит до пугающего абсурда.

УДК 821.111-94(73)
ББК 84(7Сое)-44

© Ирина Голыбина,
перевод на русский язык, 2025
© Предисловие, Кошкин Д.В., 2025
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2026

ISBN 978-5-04-218355-3

*Посвящается всем тем, кого коснулся
опосредованный синдром Мюнхгаузена,
и тем, кто за них борется.*

ПРЕДИСЛОВИЕ ПСИХИАТРА

Погружаясь в дело Джипси Роуз, будь то видео на YouTube или публикации в прессе, невозможно не заметить одно и то же постоянно повторяющееся словосочетание — *синдром Мюнхгаузена*. Его нередко выносят прямо в заголовки или делают центральным понятием в «специальных» изданиях по теме. Если имя семьи Бланчард вам уже знакомо, то, скорее всего, знакомо и это расстройство. И да, свое название синдром действительно получил в честь того самого барона Мюнхгаузена, который, к слову, реальный исторический деятель XVIII века, прославившегося любовью к вымышленным рассказам о собственных героически подвигах. Однако в научной практике синдром был впервые описан лишь в 1951 году как тяжелое симулятивное расстройство. При нем человек сознательно имитирует или провоцирует симптомы болезни, а иногда и наносит себе увечья, преследуя конкретную выгоду.

На деле все немного сложнее и глубже. Начнем с того, что «синдром Мюнхгаузена» в принципе некорректное название. В американской классификации, ее мы будем и далее брать за основу-пример качественной и современной медицины, большое количество психических заболеваний имеют «сухие» научные названия. Такой современный подход классификации направлен на избавление от стигматизации темы, а также во избежание романтизации некоторых болезней. Общество слишком привыкло использовать слова

«депрессия» для обозначения грусти, «аутист» или «шизик» — как ругательство и т. д. Наука и общественные ценности развиваются, потому и система должна менять свой подход. Те же слова «дебил», «идиот», «олигофрен» и пр. когда-то, вы не поверите, были медицинскими терминами. Так вот, пресловутый «синдром Мюнхгаузена» правильнее называть Factitious Disorder (далее — FD) — искусственное расстройство. Оно же делится на несколько типов: Factitious Disorder Imposed on Self (далее — FDIS) — искусственное расстройство, проявляющееся у самого пациента, которому важно быть в роли больного, ощущать сочувствие и сострадание со стороны, и Factitious Disorder Imposed on Another (далее — FDIA) — искусственное расстройство, направленное пациентом на другого человека, когда симуляция или вызывание болезни перекладывается на кого-то, чтобы стать опекуном/родителем больного. К слову, это довольно распространенное явление в социуме, которое может накладываться не только на роли родитель — ребенок, но и ребенок может проецировать на родителя стимуляцию болезней. Более того, подобное расстройство бывает и у «созависимых» партнеров в отношениях.

Тут важно отметить, что при Factitious Disorder симптомы сознательные, но мотивация если и есть, то абстрактная, часто оторванная от реальности. При делегированном синдроме с мотивацией больному проще. Речь, конечно же, о «материнском инстинкте» и «заботе» о близком. Однако это однозначно не про намеренную материальную выгоду. Более того, бывают и такие случаи, когда при FD человек вообще не преследует никакой цели.

Говоря об «искусственном расстройстве», стоит также затронуть Somatic Symptom Disorder (SSD), при котором у человека полностью отсутствуют сознательные симптомы и мотивация. То есть их уро-

вень тревоги и напряжения настолько велик, что вызывает реальные симптомы. Чаще всего среди них заболевания кишечника-желудочного тракта, анемия, местные боли, нарушение зрения или слуха и т. д. К сожалению, причины и протекание психогенных заболеваний до конца не изучены. Мозг – чрезвычайно сложный и очень интересный орган, который науке еще предстоит исследовать.

Вопреки частым заблуждениям, соматическое расстройство не имеет общих черт с ипохондрическим. Второе «строится» именно на страхе, тревоге о происхождении заболеваний, когда бесконечно кажется, будто бы вот-вот произойдет что-то страшное с организмом. При этом симптомов либо нет, либо они минимальны или же относятся к другому, чему-то менее пугающему.

Итак, с терминологией и границами заболеваний более или менее разобрались. Точного анамнеза Джипси или ее матери нет в открытом доступе, однако можно предположить, что речь идет именно о FDIA в отношении к дочери, а у самой Диди предположительно SSD, поскольку она многократно жаловалась на мигрени, давление, сердечные боли и не только. Если погрузиться глубже в историю, узнать о том, как мать общалась с дочерью и какие у нее были «хобби», то среди них можно найти и клептоманию, мошенничество и гистрионное расстройство¹.

Самое примечательное в этой истории – то, сколько она длилась. То есть, как я уже писал выше, подобные расстройства довольно распространенная практика. Более того, выявлять признаки, даже на ранней стадии, учат американских студентов 2-го курса медицинского вуза. А так как Диди еще имела сестринское образование, т. е. доступ к справкам, веро-

¹ Психическое расстройство, характеризующееся чрезмерной эмоциональностью, театральностью, потребностью во внимании. Его также называют истерическим расстройством.

ятно, также умела подделывать рецепты и пр., должно было в еще большей мере привлечь внимание к делу. Причем как медицинских сотрудников, так и органов опеки. И тут несложно сделать вывод о банальной халатности, которая повлекла фатальные последствия.

Но только в ней ли дело? Важное уточнение — социальный аспект. Перед нами не среднестатистические американцы. В начале истории Джипси уточняет, что ее мать — образцовая каджунка и что они проживали на юге — в Луизиане, Новом Орлеане. Это в корне меняет угол, под которым стоит воспринимать историю. Перед нами не образцовый пригород, как из прошлых книг серии, а пейзажи «Настоящего детектива»¹. Во-первых, в нулевых и десятых этот регион «славился» высокой преступностью, низким уровнем здравоохранения и образованности граждан. То есть, грубо говоря, подстроить лечение ребенка, доведенного до инвалидности, проще в Луизиане, чем, например, в Вашингтоне.

Несколько слов о каджунцах тоже стоит сказать, хоть автор и поясняет это далее в книге. Я сделаю акцент на другой культурной составляющей этой этнической группы. Они далеки от стереотипных американцев и, если уж говорить о стереотипах, по своей отчужденности могут сравниться разве что с реднеками². Живя по большей мере на болотистой местности, их культура пропитана не только франкоязычными выражениями, перешедшим в своеобразный диалект, но и сантерией, магией вуду, вpletенной

¹ Речь о первом сезоне сериала от НВО с Мэтью Макконахи и Вуди Харрельсоном в главных ролях.

² От *англ.* rednecks — «красношейные». Это жаргонное обозначение для жителей американской глубинки, которые постоянно трудятся на своих фермах, что и приводит к покрасневшей шее. Стереотипно реднеки придерживаются крайне правых взглядов, предпочитают исключительно ручной труд, живут большими семьями и нередко обладают склочным характером.

каким-то образом в христианство. Каджунцы обычно живут общинами, имея собственное хозяйство, не любят чужаков, в особенности северян, центральную Америку, но положительно относятся к инцестам. Наверное, самым ярким и страшным примером подобного образа жизни будет семья Уиттакер¹. Почему это важная деталь в истории? Диди жила и росла именно в такой семье, изолированной от прогрессирующего общества, где принимать ванну вместе со своим отцом не вариант нормы.

К сожалению, и сама Джипси подвергалась насилию со стороны деда, что особо не порицалось в семье, но позволило ухватиться Диди за этот случай как за удобную манипуляцию в духе «все мужчины ужасны, потому мы должны быть вдвоем против целого мира». У Джипси просто не было шанса вырасти не травмированной в том или ином роде. Нам точно известно о том, что мать сбегала с дочерью сразу же, как только у людей рядом появлялись вопросы. Отдалялась от родственников и врачей, которые были ей неудобны, создав пугающе непроницаемый пузырь.

Итак, как я писал ранее, анамнеза у нас нет, потому, к сожалению, о списке вытекающих последствий для психики говорить сложно, а предположить можно многое. Я же, смотря на девушку, доведенную до состояния калеки, вижу лишь жертву, которой, к сожалению, государственная система так и не предоставила надлежащую психиатрическую, ну или хотя бы психологическую, помощь. 23 года, которые отняли из ее жизни.

*Дмитрий Витальевич Кошкин,
врач-психиатр*

¹ Печально известная семья из Вирджии, города Олда. Мир узнал о них благодаря документалисту Марку Уайту, который буквально случайно наткнулся на людей, живущих со множественными генетическими отклонениями, вызванными тесным кровосмешением.

ПРИМЕЧАНИЕ АВТОРА

Все считают мою историю тру-краймом. Но в этой книге я рассказываю свои воспоминания, и потому перед вами мемуары, а не расследование моего преступления или моей жизни. Чувства и эмоции, описанные здесь, подлинные. Хотя некоторые воспоминания детства успели поблекнуть, эти остались яркими. Чтобы заполнить пробелы, я полагаюсь на то, что отвечали на мои вопросы другие люди. Добавлю традиционные дисклеймеры. Некоторые имена и прочие детали были изменены или опущены из соображений конфиденциальности. Любые совпадения между персонажами и реальными людьми случайны. Реплики я заключала в кавычки тогда, где была уверена, что они близки к настоящим и точно отражают смысл, который говорящий вкладывал в свои слова. История, которой я здесь делюсь, соответствует моим воспоминаниям; эти воспоминания сформировали мои убеждения, которые тоже изложены в книге. Так все было для меня — я это испытывала или думала, что испытываю.

ГЛАВА 1 ■ ÇA VA¹

Когда Диди Бланчард было двадцать четыре, она родила меня. Когда мне было почти двадцать четыре, я отняла у нее жизнь. Я была уверена, что тем самым спасаю жизнь, которую она всеми силами берегла: мою собственную. Хотя она, конечно, считала эту жизнь «нашей». *Мы — две стороны одной монеты*, любила она говорить, имея в виду следующее: хотя какие-то вещи могут выглядеть по-разному и быть диаметрально противоположны, в действительности они неразделимы — две части одного целого.

Восемь с половиной лет в тюрьме я училась идти по жизни самостоятельно... отдельно от нее. За это время я успела побывать в трех исправительных учреждениях. Первым была окружная тюрьма Грин в Спрингфилде, Миссури, где я провела чуть больше года.

Потом меня на месяц перевели в женскую тюрьму в Вандалии, а затем отправили в исправительный центр Чилликот отбывать остаток наказания. За этот срок с помощью терапии, семьи, друзей, книг и собственных записей я исследовала свою жизнь, поступки и отношения на большую ширину и глубину. Наконец, я получила доступ к информации, документам, записям и терапевтическим сессиям. Я, словно

¹ С меня хватит (*фр.*).

детектив, отслеживаю паттерны, выдвигаю теории, испытываю озарения и замечаю новые связи между вещами, которых раньше не понимала. Тем не менее, хотя с моего освобождения прошел год, шрамы — физические и эмоциональные — по-прежнему со мной. Они как будто насмеваются над моим прогрессом.

Я не говорю, что не могу исцелиться; я говорю, что физические следы пережитой травмы добавляют процессу исцеления еще одно измерение. Когда я пытаюсь насладиться обычными радостями жизни, да хоть едой, когда бездумно кладу в рот первый кусочек стейка или проглатываю устрицу, мне приходится сделать паузу и подумать, как я буду жевать. Без слюнных желез и зубов — спасибо ненужным хирургическим операциям и приему лекарств. Мое прошлое всегда будет омрачать мое настоящее.

Ласковое солнце Луизианы, что льется сейчас в мое окно, куда приятней резкого света ламп в исправительном центре Чилликот, где я просидела семь лет после вынесения приговора. Теперь у меня есть зеркало в полный рост, где я могу видеть себя целиком. В тюрьме я смотрелась только в зеркальце двадцать на двадцать сантиметров и не могла толком понять, как выглядит мое тело.

В теплом солнечном свете шрамы не такие страшные, какими казались мне в прошлом. А может, это время сгладило отметины на моей коже. Но иногда что-то *невидимое* причиняет нам самую сильную боль. В моем случае это так. После всех травм, что мне наносили с самого детства, шрам, которого не видно, всегда остается со мной. Шрам, которого не было бы, не попроси я Ника убить мою мать.

Люди обычно хотят знать, что стало последней каплей. В какой момент я поняла: или она, или я? Вот он, этот момент — на третьей странице.

За месяц до убийства мать попыталась перерезать мне горло. По крайней мере, так я это восприняла.

Причиной ее озабоченности — ни с того ни с сего — стал мой голос. «Он такой писклявый, да еще скрипучий», — пожаловалась мать моему отоларингологу. Я считала, что мой голос особенный — как и необычное имя. Или что это наша семейная черта, которой надо гордиться. Мы обе знали, что у женщин в моей семье с материнской стороны похожие высокие голоса. К тому же Ник находил мое ребяческое щебетание сексуальным, поэтому я не понимала, в чем проблема, и так и сказала маме. Конечно, не в присутствии врачей. На это я бы никогда не решилась. Но по пути домой я все болтала и болтала, как... скрипучее колесо.

— С моим голосом все в порядке! — пропищала я, пока она катила меня в складном инвалидном кресле по парковке госпиталя в Канзас-Сити.

— Ты слышала, что говорит врач. Такой голос, как у тебя, может означать проблемы с носоглоткой, и эти проблемы могут вызывать твое сонное апноэ¹, — ответила она как отрезала. Хочу я или нет, мы все равно поедем на прием к пульмонологу, которого рекомендовал только что ухо-горло-нос, хотя нам обеим прекрасно известно, что никакого сонного апноэ у меня нет.

К этому моменту мы уже какое-то время держали враждебный нейтралитет. Мне было двадцать три, и я дважды пыталась сбежать из дома. Я стреляла в мать из пневматического пистолета. Она приковывала меня к кровати. Я становилась старше, и меня было сложнее контролировать. Чем я была взрослей, тем

¹ Расстройство дыхания, при котором во время сна происходят многократные остановки дыхания.